

Так вышло, что, начиная с юности, я дружил исключительно с гигантами. И не единожды слышал, как мой университетский друг, грозящий физическими габаритами зашкалить трёх Бальзаков, пытался повторить голосок, выпархивающий время от времени из гнезда пластинки фирмы «Мелодия»:

Я леплю из пластилина,
Пластилин нежней, чем глина...

Я тоже лепил из пластилина. Аж до восьмого класса. Лепил солдатиков разных эпох. Пока отец, раздосадованный на своего недоросля, в коем никак не закончится детство, не смял их в разноцветный ком и не вышвырнул его в мусорную яму на улице!..

«Песенка — лесенка в сердце другое», — завещал нам Велимир Хлебников. Потому виртуозно «слеplенные» слова, которые мурлыкал мой друг, сердобольно приютивший вашего покорного слугу, звучали для меня точно пароль:

Подошли ко мне два брата,
Подошли и говорят:
«Разве кукла виновата?
Разве клоун виноват?»

Так, слушая мурлыканье безграничного человека, я впервые утвердился в узнавании, что Новелла Матвеева — это поэт гигантов. Вернее, ранимых гигантов, потому что их может ущемить любая твякнувшая vareжка.

Прошло некоторое время, на тот момент мне уже были дозволены ночлеги в кабинете главного редактора журнала «Юность», и, как ни смешно, меня вновь сопровождал очередной гигант. Во всяком случае, он то и дело таковым отрекомендовался. Если верить его кренящимся словам, с ним водили знакомство Илья Сельвинский и Борис Пастернак (не он — с ними, а они — с ним!). Имелось и неопровержимое доказательство сего гигантизма.

После того, как в одной из своих обнародованных новелл я обмолвился, что свыше приставленный ко мне Юрий Влодов росточка-то — далеко не выдающегося, он тут же — спина к спине — стал мериться со мной масштабами, пробуя выпростать крылья, стянутые в бельевой узел, ждущий

кромешной стирки. Однако именно этот мой спутник, для которого, казалось бы, не существовало — ни в мировой истории, ни тем паче среди современников — убедительных образцов и авторитетов, однажды, придя в редакцию, посетовал: — А чего вы не печатаете Новеллу Матвееву?! Она же гениесса!

Заныла пауза, затем кто-то уточнил:
— А разве она жива???

Влодов заверил, что Новелла Николаевна обитает в Химках и к ней надо бы приехать, чтобы испросить стихов для «Журнальчика». Так, по его придумке, называлась в «Юности» детская рубрика, которую он вроде как вёл. А может, просто издавался над журналом?! Он вообще это обожал. Мол, не «Юность», а «Журнальчик». Ха-ха. Но...

С каким почтением было им произнесено: «Новелла Матвеева!» Будто сбежавшие буквы прыгали на багате. И: «Гениесса!» Возможно, уже тогда Влодов был посвящён в смысл её эссе «Почему у нас гениев нет?». Или эссе Матвеевой только только оперялось? Уж не он ли его спровоцировал? Дело в том, что сам-то Влодов неотлучно, точно набор с отмычками, таскал с собой собственную концепцию о разнице между талантами и гениями. И, ежели допустить, что он был вхож в зачарованную хижину Новеллы Николаевны, не исключено, что на сей счёт существовал некий взаимобмен «понятийными любезностями»? О чём может свидетельствовать завершающая эссе фраза: «А если и есть где-то всё-таки гений, то благодаря новой цензуре (и новой, и старой, как мир, антисократовской цензуре вольного обывательского большинства) он не только не увидит, но и не увидит света!»

Здесь крайне важен вот этот редчайший глагол — «невзвидит». То бишь отстранится, зажмурится, утратит всякое желание отворять вежды. Таланты встраиваются. С разной степенью удачливости. Иногда — весьма и весьма. Но гении встроиться не могут. Они по природе своей не в силах преодолеть ни новую, ни старую — «обывательского большинства» — цензуру. Приводить примеры не буду, ибо Новелла Матвеева — сама тот мучительный и одновременно ликующий пример. Скажу лишь, что недавно мне был сон, как в город,

напоминающий Москву, съехались-слетелись, чтобы покормить голубей, все «невзвидевшие света» гении России, которые несли транспарант: «Я/мы — Новелла Матвеева!»

В очередной раз отступлю в сторону, дабы приблизиться к истине. Ещё одного моего знакомого, угодившего в сложную жизненную ситуацию, решил приободрить приятельствующий с ним классик, входящий в авторский пантеон антологии «Шедевры русской литературы XX века» и даже имеющий на сей счёт сертификат — диплом ЮНЕСКО. Так вот, он попросил передать слова, найденные им для матушки моего знакомого. А именно: что она-де родила гения! Как бы здесь поступила «личностью под тентом» (выражение Новеллы Матвеевой) — сиречь талант, всё-таки падкий на лесть? Талант, чего доброго, объявил бы на радостях, что он — гений. А вот гений... Гений, взбледнув, ответил:

— Не надо пугать мою мамочку!..

То бишь и дальше понёс крылья, стянутые на спине в узел. Так разрешается полувопросительное пушкинское: «А гений и злодейство — две вещи несовместные. Не правда ль?» Смотря кто от чего «оторван». Наша гениесса проводит на сей счёт искромётную классификацию:

Личность под тентом, в качалке, с курортной газетой, Мне намекнула, что стих мой «от жизни оторван». Я удивилась! Задумалась я: от которой Жизни меня оторвали? От той или этой? Перебирая в уме всевозможные темы (И, как всегда, надрываюсь под жизненной ношей), Я догадалась: от жизни оторваны — все мы! Только ведь кто — от плохой. А ведь кто — от хорошей...

И что тут подразумевается под жизнью «плохой» и «хорошей» — решайте сами. Однако вернёмся в начало девяностых, когда в редакции «Юности» сфонтанировала китайским фейерверком непреднамеренная, но дремучая фраза: «А разве она жива???» То есть, заметьте, на тот момент живы были все — Андрей Вознесенский, Иосиф Бродский, Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Белла Ахмадулина, Булат Окуджава — вся марочная плеяда «шестидесятников». Кроме... Новеллы Матвеевой. Эту фразу на разные лады будут повторять ещё довольно долго — вплоть до 2016 года, когда, как принято говорить, оборвётся земной путь Новеллы Николаевны. Но иногда поневоле думается: не являлась ли сия обывательская неосведомлённость косвенным признаком того, что любимая ранимыми гигантами гениесса, возможно, имела принадлежность к генерации эльфов, гномов, орков или чуди белоглазой, существование которых, собственно, не требует особых доказательств, равно как и не существование? Даже надетые на изболевшиеся ноги волшебные тапочки, сделавшие на короткий

миг торжества гениессу видимой, потому что в 2003 году она придёт в них в Кремль получать из рук президента России Государственную премию, будет ходатайствовать, скорее, о реальной сказочности Новеллы Матвеевой, нежели о её сказочной реальности.

Однако и это причисление к племени невидимок, о чём она недвусмысленно проговаривалась: «Быть лучше — ветром унесённой / от времени и от людей», — должно быть, гениессу лишь позабавило бы, однако вряд ли исчерпало параллельномирную тайну её личности. Ведь более всего Новелла Николаевна стереглась лакировок. «Лак, / Ты — мой враг!» — в одном из стихотворений припечатывала она. Дальше — образ, доказывающий ту самую параллельномирность:

Светит под лаком
Сучок,
Который врос
В крышку стола —
Лакированную лужу;
Так мальчуган,
О стекло расплющив нос,
Смотрит из запертой комнаты наружу.

Отсюда — желание пловца вынырнуть из «колец на пне», вырваться из прокрустова ложа «удобных» представлений ловких «приватизаторов»: например, что Новелла Николаевна — беспроектная авторша детских рубрик вроде «Журнальчика»; что — как будто бы переводная с английского или немецкого; что преимущественно — корабельно-экзотическая, словно реинкарнация побывавшего в Африке Николая Гумилёва; что вся — такая «теплично-оранжерейная» и что, конечно же, находка для либералов и космополитов всех мастей — домо-рождения и забуртоных.

Будучи действительно гениессой, Новелла Матвеева («Водолазил водолаз — водолазу не далась / Раковина») предвидела все эти возможные трансформации, то есть — когда созданное остаётся без авторской защиты, пристёгивается в угоду дня или подчиняется привычно путешествующим по клавиатуре разразившегося творческого наследия расторопным пальчикам продувных аккомпаниаторов:

Нити древесные вьются, словно флаг,
Тают, как дым,
Через прерванные мили
Сияются плыть...
Но когда бы этот лак
Их не прикрыл —
Ведь они бы дальше плыли!..

И она отвечала: кому — поштучно, в «Исповеди „мимозы“», но чаще — кучно, всем вместе, в антологических «Стансах», равняющих её с гигантами эпохи Возрождения:

Я не желаю быть комическим
Всекоммунальным существом
Из тех, что жизнь берут количеством,
А думают, что... божеством!
Им не понять (в горячке ловчества),
Что большинство не божество
И что надыханность сообщества
Не есть—возвышенность его.

В двухтысячные Новелла Матвеева (жива, жива! видима, видима!) и вовсе проявится ещё одной, казалось бы, самой неожиданной, а для кого-то и неудобной гранью. В «Литературной газете» прокатится шаровой молнией подборка её «политических» стихов (да-да, про Крым и прочее), но, скорее, даже не «политических», а продолжающих пушкинскую линию «Клеветникам России», заклеянным гениессой прямо-таки по-чапаевски: «Не оппозиция, а *контра*» (ух, как они сейчас в этом месте взбесятся, потому что хотели бы отвести глаза от пробившего «лакировку» непокорного пловца, запущенного Новеллой Николаевной в будущее). — Уж не из красных ли она?!— протрёт опухшие зенки какой-нибудь новоиспечённый Мальчиш-Плохиш, возложивший ноутбук, перегруженный

новым сочинением из серии «ЖЗЛ» на свой обтянутый майкой с ликом Че Гевары влиятельный живот. Но, быть может, Мальчиш-Плохиш и не страдает дальтонизмом? Раскройте наугад любую книгу гениессы из Химок:

Большая чайка, плаваний сестра,
Из красных волн выхватывает рыбу,
Как головню из красного костра.

А вот и вовсе—программное:

Мне снится кардинальский—то напевный,
То ржущий пурпур. Битвы ржавый свет.
До треска красный, пушечно-полдневный,
Владетельный, громово-алый цвет.

Итак, «до треска красный», «владетельный»— главный цвет Новеллы Матвеевой. Оттого-то он и «владетельный», что к нему всегда есть одна существенная добавка:

...Славлю перец!—
В зерне и в пыльце.
Всякий: чёрный—в багряном борще
(Как бесёнок в багряном плаще),
Красно-огненный—в красном словце.
Славлю перец
Во всём, вообще!
Да; повсюду,
Во всём,
Вообще!

Но как «бесёнок в багряном плаще» может соседствовать с куклами и клоунами из пластилина?..

Однажды я по-боксёрски запер в угол живущего в Перми лауреата Грушинского фестиваля Евгения Матвеева, обломавшего—на букеты своих песен!—весь цвет русской поэзии: мол, кого ты считаешь гением среди бардов? Он долго держал отнекивающуюся защиту, затем умело отмахнулся сентенцией о том, что, дескать, старается избегать таких страшных понятий, как гений, хотя многие авторские диски, можно сказать, слушает постоянно.

— И всё-таки,— вновь долбил я,— из того, что ты слушаешь, есть ли кто-то ну самый-самый?

И тогда, верите или нет, Матвеев нанёс мне неожиданный удар по печени:

— Матвеева!..

Что я мог? Опустить на колено да вымолвить:

— Я даже догадываюсь— почему!

— Не поэтому...— вышел он из угла.